Евгений ФИЛИМОНОВ Встреча с Драконом

– Какого черта?

Возглас сей вырвался из пересохшей от долгого путешествия глотки путника, едва не сваливающегося со своего ослика. Ослик, надо сказать, выглядел ненамного лучше седока, и явно собирался издохнуть под ближайшим кустом. Но, слава Спящему, кустов рядом не было. В этой гористой местности найти хоть какую-то растительность было даром, обрести который везло не каждому. Не повезло и нашему путнику.

Вид он имел престранный. Если описывать вкратце, то выглядел он так: чудаковатый ученый в стадии подкрадывающегося маразма. Причем выделить тут акценты было бы неимоверно трудно, настолько чудаковатость сквозила в этом немолодом уже типе в

старых круглых очечках на шишковатом носу. Нос, впрочем, был весьма примечателен. Форма его была просто невероятна. Сказать по иному было бы преступлением. Нос этот нарушал все законы гравитации, ибо был огромен, как клюв сказочной птицы Птух. Голову странника венчала огромная, похожая на разоренное воронье гнездо, копна седеющих волос. Тело облачала профессорская униформа, которая несла на себе следы тяжких испытаний, выпавших на долю ее обладателя.

Причиной возгласа стало недоумение путника, разглядывающего ближайший горный разлог сквозь прищуренные веки. Светило в это время года стояло невысоко, но все равно могло доставить неприятности при взгляде в его сторону.

Что он там разглядывал, путник и сам толком не знал. Вообще, поездка получилась спонтанная и дурацкая. Как и вся жизнь в последнее время. Брошенные сгоряча на кафедре слова привели его сюда, а куда поведут еще – не знал и Спящий. Плюнув на серую пыль, он пихнул ослика в тощий бок, желая двигаться дальше, но не тут-то было. Дурное животное не желало трогаться с места. Не желало и все. Тупая скотина. Хотя, взглянув в сторону, куда ленивая тварь не желала идти, он быстро изменил свое мнение.

Путь им преграждал невесть откуда взявшийся непонятный объект, не иначе как продукт воспаленного сознания, переполненного горькими воспоминаниями о распрях на кафедре, приведших сюда. Его боль и мечта, основа и смысл всей его ученой деятельности. И вот – давняя мечта перед ним. Но этого не могло быть ни здесь, ни где-либо еще. Не могло! Потому что он сам давно уже доказал всему ученому, да и не только, миру всю нелепость имевшихся рассказов о Них, смело отнеся их к разряду мифов и детских страшилок. А еще он мечтал, совершенно втайне, о том, что все-таки был неправ в своей работе. И, кажется, домечтался. До галлюцинаций, не иначе.

Опалово мерцающий дракон лениво разглядывал неведомое для себя существо. Совершенно неизвестная зверюшка предстала перед взором, стоило только выпасть из прорехи континуума в эту стазис-реальность. Зверюшка имела четыре конечности снизу, две сверху, и плюс к этому что-то болталось посередке. А сверху находилось нечто явно ирреальное. Такой несуразной конструкции не встречалось ему пока ни в одном из миров, и требовало изучения. Выдохнув, дракон неспешно отправился к этому чуду.

«Оно идет ко мне!» – в голове путешественника панически билась лишь одна эта мысль. Казалось, весь мир теперь состоял из медленно приближающегося зверя, чье огненное дыхание напугало осла до дрожи. Хотя нет, не до дрожи – животина просто рухнула замертво, огласив предгорья песней безумия, от которой у наездника свело зубы, а в глазах зарябило. «Ну и что мне теперь прикажете делать?» – задал он себе риторический вопрос, а затем успокоился, плюнув на все. Ведь к нему приближался всего лишь какой-то морок. Ну не могло его быть на самом деле – не могло, и все. Он ведь это доказал. Давно.

«Вот тварь, ревет-то как, чуть глаз не вылез», – думал дракон, едва не впавший в кататонию от неожиданно сильного рева. Совершенно немузыкального, отметил он, продолжая приближаться к исследуемому объекту. «Нет, вы погляньте на это недоразумение, оно еще и на части разваливается прямо на глазах», – опешил он, увидев, как нижняя часть зверюшки отвалилась от верхней, взбрыкнув четырьмя длинными нижними лапами. А верхняя вдруг оказалась на других двух ходулях, и теперь стояла, ожидая его. «Хм, может он к атаке готовится? Вот чудик», – усмехнулся дракон, но на всякий случай подал сигнал дружеского расположения, понятный всем разумным тварям универсума.

«Черт! Всё, приплыли», – профессор чуть не наложил в штаны, увидев столб огня, возносимый к небесам и развертывающийся там в невероятно красивый, играющий всеми оттенками алого, пламенный цветок.

И наложил бы, да только, не кушавши третий день, сделать сие было не так уж и просто. Что-то из ничего получается только в сказках, в которые он некогда поместил это вот чудище, неторопливо приближающееся на четырех лапах. Кстати, почему это на четырех, такого не может быть, не может!

Его поглотила дрожь ученого. Та, что в молодости делала его безумцем, способным неделями корпеть над старинными фолиантами, выковыривая оттуда крупицы знания. Знания о нем. Или о ней? Страх куда-то ушел, на его место уверенной поступью выходил бесстрастный интерес познавательного начала.

И они встретились. Нос к носу. Беспечный дракон. Чудак-профессор. Вселенная вздрогнула. Слишком они были разные, но и слишком похожие при этом. Дети.

– И кто это у нас тут? – как будто гром пророкотал сверху, распугав вокруг всех ворон, которые косым и затуманенным взором разглядывали впавшего в кому осла.

– М-м-м-м… м-м... кх-хы... кхы, – профессор еще не совсем пришел в себя, и безуспешно пытался прочистить горло, стараясь при этом выглядеть горделиво и безупречно, как и подобает великому ученому в час его триумфа и славы.

– Безречный... – грустно прозвучало сверху. – Да уж, откуда у такой несуразицы взяться речи, вот ведь, придумал себе. Эй ты, нелепица! – Дракон легонько ткнул нашего профессора коготочком, желая обратить на себя его внимание.

Когда кривой ятаган когтя мазнул его по боку, профессора чуть не размазало. Но зато помогло прийти в себя. Мало того, он просто рассвирепел. Эта химера от науки позволяет себе обращаться с ним, профессором третьей степени второго круга адептов Знания, Мэдом Брайаном, как с какой-то овечкой! И, будто этого мало, эта ящерица с огнеметом в пасти разговаривает, как законченный сноб, которых он и на кафедре-то терпеть не мог, причем, нисколько не скрывая этого ни от кого. И профессор взорвался.

Дракон опешил, когда это недоразумение, словно взбрендившая блоха, коих так много в меж-пространстве, прыгнуло прямо на него. И прыгнув, выдало невероятную тираду, проявив недюжинные способности в экстатическом поэтизме.

– Да вы что себе позволяете, сноб паршивый, ошибка природы, порождение химеры, дура с ногами... меня когтями драть? Меня, профессора второй степени (профессор в запале повысил себя, но это простительно в его состоянии), третьего круга (и понизил, что тоже объяснимо)!!! Да я тебя сейчас тут систематизирую и каталогизирую, дрянь

такая! Меня, когтями?! Да меня крыклы за милю обходят, знаешь ли ты! Нет, вы погляньте на это, я не могу, где вас только таких делают, обормотов, понаехали тута…

От этой непрекращающейся тирады, перемежаемой бешенными прыжками вокруг его персоны, дракона одолела робость. Букашка явно требовала к себе уважения. А заявление о каких-то неведомых крыклах, хоть и звучало смешно, тоже требовало внимания, мало ли.

– Эм-м-м… кхм… простите, – пророкотал дракон, принимая вид заинтересованный и несколько придурковатый. Это всегда помогало в сложных ситуациях, разряжая обстановку и помогая сгладить образовавшиеся углы в общении.

– Простите, – промурлыкал он. – Промашечка вышла, разумное существо не распознал. Увы мне, и – ах. Простите, а?

От такой резкой смены темы профессор окоченел, эта улыбающаяся штука перед ним явно что-то затевала, хотя… Хотя, улыбка настраивала на добрый лад, и тело само собой расслаблялось в стремлении принять удобную позу, позу долгой беседы.

– Э-э-э-эм-м… мны… а-а-а, тьфу ты... – чертыхнулся он. – Простите, что?

– Я говорю вам, давайте уж забудем сие недоразумение, мой друг разумный, нежданной с которым встречи не ждал я нисколь, в прореху впадая пространства... – дракона понесло. – И видя тебя, не знал совершенно, что разума встретил вместилище я. Прости же меня, и будем знакомы? Зовусь я Дрейяго, и я – драконьего роду. А кто есть ты?

– М-м-мэ-э-эд... кхм, кха... Мэд Брайян я! – Профессора заразила велеречивость изъяснений нового знакомого, он решил, что надо соответствовать. – Профессор я, адепт наук и знания мастак. Направлен в горы, для науки. Искать науке факты послан я. Тебя найти мне повелели. Вернее, не тебя, а факты пребывания твои в горах сих на заре веков. Уф-ф-ф-ф… – профессор подумал, подумал и поклонился. Так просто, на

всякий случай.

«Эк его проняло-то», – хихикнул про себя Дрейяго, раскланиваясь в ответ, но и впадая при том в некоторое недоумение.

– Вот и хорошо, – пророкотал он вслух. – Но скажите мне, каким образом вы направлены меня искать, коль я тут в первый раз?

– Понимаете, – совершенно смутился профессор.– Тут такая история...

– Я весь внимание, – подыграл дракон.

– В общем, слушайте... Слушайте печальную и грустную историю моего величия и падения. В глубоком детстве был я восхищен преданьями о вас, крылатых огненных созданиях. И клятву дал, что докажу, мол, сказки те – не просто лишь сказания, но факты, сохраненные в умах... Слишком давно были те времена, когда драконье племя оседлало наши небеса, и память о вас верно угасла, сохранив лишь тень истины. Вы стали сказками в народе.

– Но нас не было тут! – Дрейяго клацнул зубами, тряся головой от недоумения. – Не слышал я о таком мире.

– Не перебивайте, я вас умоляю. Так вот, клятве верно следуя своей, я обучение прошел, в адепты Знания пробившись. И стало выпускной работою моей доказательство вашего существования. Собрав предания с глубинок и центральных округов, сумел я доказать, что вы на самом деле были. Но все куда-то подевались, да... Урок истории суров, и нет вас больше в мироздании. Вот.

– Но что же грустного? – Дракон откровенно веселился, не разделяя грусти рассказчика.

– А вот, в дальнейшем было все... Моя работа. Диплом свой защитив, всё общество разбил я на союзы. Одни кричали, что вас не было совсем, другие – что живы вы, но все ж таитесь от наших жадных загребущих личностей. И чуть не вспыхнула война. Нет, вы представьте, из-за сказки, что былью быть могла давно, все общество страны моей готово было разос... ух-хм-м... в общем – ссора в нем царила. Да что страна, планета вся, моей работою проникшись, в два лагеря враждебных разделилась. Драконы – есть, драконов – нет. Война стучала в двери всем.

– И что случилось дальше, что? – Дрейяго поглотил рассказ, он даже начал приплясывать от нетерпения.

– Я принял тяжкое решение. Да и прошло уже немало лет с момента сана получения. Раскол все рос. Ждало все страны разрушение. И я, поправ свои мечты, сумел разбить свои же построения. Всем доказал – что был неправ, что младость мне сознание смутила. Драконов нет, сказанья – сказки лишь, полетов птичьих порождение. Мол, птицы некогда летали высоко, и всем казались огненным творением. Но было поздно, лишь анафеме был предан вчерашними адептами учения своего. Не стало больше правых никого. И даже культы появились, что дев младых, не знающих мужчин, в костры отправили для вызова крылатых. Иные даже видели таких, в огне, мол, вились стаями большими. И жрали женщин молодых, давая единицам попущенье. Те выходили из костра, свежи, румяны и изящны, с глазами полными огня; суровы, страстны и... ужасны. Ужасны тем, что жизнь ушла, совсем покинула их тело. Осталась кость, души уж нет. И жатва началась, война – их дело.

– Постой, постой… – дракон потерялся в рассказе. – Война у вас? А ты куда свои направил стопы?

– Поправ себя, стал я посмешищем на кафедре своей. Весь круг меня открыто презирал. И, хоть и пытался мир я воцарить, никто сей факт не принял во внимание. Все поняли одно – я сам себя убил. В науке нет такого прецедента, а я создал, и мне в том нет прощения. С научной точки зрения. Недавно дал промашку я. Не выдержал коллег я порицание – в сердцах сказал, что я могу найти любые доказательства для мира. Для мира в мире, только б он пришел. И, смехом провожаемый, был выдворен я с кафедры. До обретения обещанных чудес. И вот – я здесь.

– И что? Задача какова?

– Проста задача – лишь найти дракона.

– Ну вот, нашел, пошли к твоим коллегам, им расскажу я о себе. И мир наступит в вашем мире.

Профессор кинул задумчивый взгляд на нетерпеливо приплясывающего дракона. Ему, конечно же, невероятно польстило внимание пришельца, и он был безумно рад поступившему предложению, но боялся, что обретенный знакомец не все понимает. Не понимает, что в этом дурацком мире предмет спора просто раздерут в клочья противоборствующие стороны, сквозь кордоны которых профессор, облаченный в старые заслуги, прошел почти не пострадав. Пострадала только его гордость, которую пришлось запихнуть куда поглубже, проходя через оплоты бывших приверженцев и новоявленных адептов. В этом мире не было места явившемуся чуду.

– Спасибо, Дрейяго, – с глубочайшим и искренним уважением поклонился он дракону. – Но, понимаешь ли, на что согласие даешь? Препон полно, везде готовы разодрать тебя на сувениры. Мы просто не дойдем.

– Х-ха...– гулко рассмеялся дракон. – Пройдем, как русские в Боснию!

– Э? – Профессор абсолютно не понял смысла сказанного, но уловил посыл. – Как это?

– Да так, фьюить и там, пройдемся, поспешая не спеша... Мамаша так моя изволила шутить, что разумела этими словами – сплошная тайна для меня. Но их любила говорить. А так, уж если ты боишься, то мне не страшно ничего, поверь – я идеален, просто совершенен.

– Это как так? – опешил Мэд.

И тут Дракон выдал. Вроде бы ничего и не изменилось. Но внезапно воздух вокруг него начал наливаться незримой мощью, а земля начала проседать под невероятной тяжестью, вдруг обрушившейся на ее плечи. Даже лучи солнца, казалось, загибались вокруг крылатой фигуры и пытались ввинтиться куда-то внутрь. Глаза Дрейяго полыхнули невероятным переливом, в котором Мэд мгновенно потерял чувство реального, ибо такого он никогда не видел. Нет, это была бездна, провал пространства – дверь в межреальность открылась в драконьих глазах, и профессор потерял дар речи, благоговея перед невероятным подарком.

Мэд все же оставался ученым, и сейчас в него вливались мириады новых ощущений, за любое из которых каждый из его круга, да нет – любой из адептов Знания отдал бы все. Это было так, так... К сожалению, слов на это не хватало, но ведь был он сам, а слова придумаются – лишь бы успеть донести впечатления до бумаги.

А потом Дрейяго начал мерцать. Шкура его становилась то деревянной, то с блестела вороным отливом черненной стали. То стыло отливала стеклом, то влажно поблескивала приятной глазу желтизной. И, вдруг – у профессора буквально сперло дыхание – дракон разом засиял тысячами мелких отсверков на появившихся на его теле бесчисленных гранях.

– Это, это же?! – не отойдя от изумления, только и смог вымолвить он.

– Ась? – рыкнул дракон. – Дурацкая шкура эта, слышно в ней не ахти, так что ты там погромче мне, не бухти. Красиво? Ой, ты чего это? – обратил он внимание на отвисшую до земли челюсть профессора и его завороженный взгляд.

– О-па, – продолжил дракон. – Ха-ха… Ты – Человечек! Теперь я понял, мне маменька говаривала о таких, у вас неадекват на этот кристалл, и предостерегала от появления в таком вот виде среди вас. Нет, нам-то вреда не получится при всем желании, а вот некоторых учить приходится, по ее словам, порой даже ая-яй причинять, а то кидаются, щекоткой донимают... А не хочется, ая-яй. Добрые мы!

Дрейяго усмехнулся, всем своим видом изображая скромнягу.

Надо сказать, что образ смиренной скромности алмазному изваянию с горящими провалами вместо глаз не шел. Даже не ехал. В общем – никак не соответствовал. Профессор понял, что медленно и неуклонно сходит с ума. Нет, это явно нереально, такого не может быть, потому что не может быть, вот. Не верите? Спросите у него, он вам скажет. Вернее, докажет. Вернее...

Профессора привел в чувство щелчок по лбу, которым его наградил пылающий рядом мираж. «Миражи по лбу не бьют», – облегченно вздохнул ученый.

– А как это у вас... у тебя... ну, в общем, как это получается?

– Что? Эта вот трансфигурация? Да это ж просто, как два пальца... Трансмутируешь постепенно, переводишь силовой каркас полей в текучее состояние и вперед, – невинно хлопая глазами, пояснил дракон. – Потом сдвигаешь пару мезонов, трансклютируешь меоны в аоны, пертурбируешь мезоплазму... и все, в принципе, делов-то. – Дрейяго еще посиял чуть-чуть, и резко, без всяких переходов, обрел первоначальный вид.

От такой профанации профессор совершенно обезумел. Он, старый ученый, стоял перед величайшим открытием этого мира, этой эпохи, этой реальности, в конце концов, и ничего не понимал из сказанного. «Нет, ну как так может быть», – разум просто вопил от такого безобразия.

– Я так понимаю, что вам вообще ничего не страшно? – с некоторой агрессией начал он наседать на дракона

– Ну... – смутился тот. – Почему же, маменьку вот боюсь… Ужасно правильная у меня маменька, а уж как порядок любит и не пересказать.

У профессора мелькнула смутная мысль – слишком уж часто у его нового знакомца мелькала маменька в разговоре.

– А-а-а... А тебе сколько лет-то? – наконец решился задать он очень интересный вопрос.

– Мне? Ну, немножко совсем… – На смущение дракона было любо-дорого посмотреть, теперь он не выпендривался, и точно был не в себе.

– Так сколько? – наседал профессор.

– Сколько, сколько... А вот вам сколько? А?? – раздраженно рявкнул Дрейяго.

– Мне – 67... вот. 67 лет и зим, под этим вот солнцем, – отрезал ему Мэд в ответ. – А вот сколько вам, я так и не услышал, милейший. Некрасиво от ответа уходить, знаете ли.

– Теперь я понял. Если оперировать вашими годами, то мне очень много лет, – хитро улыбнулся дракон. – Просто невероятно много, я даже не могу себе представить, как это сказать на вашем языке, – засмеялся он. – Когда я пролетал в прошлый раз мимо вашего домена, то звезды здесь были на несколько тысяч градусов горячей.

– Ага, – пробормотал профессор в ответ. – А трава зеленей. Понятно. Перманентный юнец, исследующий вечность. Ты хоть повзрослеешь? Когда-нибудь у вас это происходит? – до него уже дошло, что перед ним сидит юный птенец.

– Да, конечно же, даже звезда не успеет погаснуть, – весело ответил «птенчик». – Правда, притомится она к тому времени сильно, да.

Профессор понял, что задает глупые вопросы про совершенно неважное сейчас бытие драконов. Мир ждал его возвращения, и у него был в руках не просто шанс. У него был абсолютный, не бьющийся ничем, козырь. И он решился.

– Ну, что ж, пойдем. Докажем этому миру, что я был неправ в своей правоте о своей неправоте, – неуклюже попытался пошутить он, стараясь скинуть напряжение своих нервов. Это был миг истины. Ключевой для этого мира, этой точки бытия.

– Да пойдем, конечно же. – Дрейяго весело подпрыгивал от нетерпения. Ему было необычайно интересно в этот момент существования, в этой клеточке вселенского здания. Он даже забыл на миг, что маменька его явно потеряет.

И отправился в поход спасать этот мир.

Так они и отправились в дорогу, забавно прихрамывающий профессор, так и не сумевший извлечь из комы свою животину, и юный дракон, неспешной и стелящейся походью сопровождающий его.

Когда они истаяли вдали, и пыль осела, осел открыл глаза и сел. Чем очень расстроил уже испускавших слюни вожделения ворон, подбирающихся к нему с легко читающимися намерениями. Огляделся по сторонам, и поспешно потрусил в сторону быстро удаляющихся фигур. «Если уж спасать мир, то втроем!» – гордо думал Осел.

* * *

Спящий улыбнулся. Ему нравился этот сон, и поводов просыпаться не было. Снящийся ему маленький мир теперь был в безопасности. И сон только начинался.